Л. Сѣдовъ.

ЛИЧНОСТЬ и ОБЩЕСТВО

ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

ВЪ XIX ВѢКѢ.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества **И. Н. Кушнеревъ и К°,**
Пименовская улица, собств. домъ.
1901.

Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

Личность и общество
въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ XIX вѣкѣ.

(Dr. Karl. Wollf. Sozialer Geist. Sein Wesen und seine Entfaltung. Mannheim, 1901.)

Если бы, говоритъ *К. Вольфъ*, съ интересной книгой котораго мы хотимъ познакомить читателя, если бы мы обратились къ представителямъ всего цивилизованнаго міра съ запросомъ о томъ, что они считаютъ характернѣйшимъ и величайшимъ достояніемъ XIX вѣка, то, навѣрное, громадное большинство отвѣтовъ сводилось бы къ гимну въ честь желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, міровой торговли и машиннаго производства.

И дѣйствительно, *техническій прогрессъ* такъ несомнѣненъ, онъ такъ разительно измѣнилъ въ самый короткій промежутокъ времени всю картину міра, перестроивъ всѣ основы матеріальнаго существованія, что для поверхностнаго наблюдателя онъ невольно заслоняетъ всѣ другія явленія.

Если бы пришлось говорить о сферѣ умственной жизни и тамъ указать наиболѣе видный факторъ, наложившій въ XIX в. на все свою печать, то несомнѣнно пришлось-бы назвать *идею эволюціи*. Сама по себѣ идея эта не нова (ее можно найти уже у нѣкоторыхъ изъ греческихъ философовъ), но XIX вѣку принадлежитъ безспорная заслуга послѣдовательнаго приложенія этой идеи ко всѣмъ областямъ изслѣдованія, все равно, охватываютъ ли они орга-

ническую или неорганическую природу или человѣка, со всѣми проявленіями его духовной и матеріальной жизни. И подобно тому какъ техника измѣнила условія матеріальнаго существованія, такъ идея развитія измѣнила всѣ наши представленія о мірѣ, она открыла намъ новые горизонты и необычайно быстро расширила сферу познанія. Но мы еще лишь въ началѣ этого процесса: какъ техника въ ближайшемъ же будущемъ можетъ подарить насъ новыми открытіями и чудесами, такъ и наука, построенная на идеѣ развитія, въ томъ же недалекомъ будущемъ навѣрное откроетъ многіе новые законы, сниметъ покровы со многихъ тайнъ неорганической и органической, въ томъ числѣ и соціальной, жизни.

Такимъ образомъ и техникѣ, и идеѣ развитія предстоитъ еще много и много новыхъ завоеваній. Но явятся ли онѣ и въ будущемъ единственными господствующими силами культурной жизни? Нѣтъ ли новыхъ задачъ, кромѣ техническихъ и научныхъ, которыя уже теперь начинаютъ все больше захватывать мысль человѣка, не замѣчается ли перемѣнъ въ настроеніи времени? Вѣдь, несомнѣнно, у каждаго времени есть извѣстное господствующее настроеніе, есть преобладающія тяготѣнія. Они не исключительны, конечно: какъ въ душѣ отдѣльнаго человѣка подчасъ уживается много душъ, такъ и въ обществѣ постоянно уживается рядомъ множество отдѣльныхъ, подчасъ противорѣчивыхъ тяготѣній. Но обыкновенно лишь нѣкоторыя изъ нихъ звучатъ особенно сильно, выдвигаясь на первый планъ общественнаго самосознанія, тогда какъ другія остаются на порогѣ его. И по мѣрѣ того какъ въ поле общественнаго самосознанія выдвигаются новыя идеи и завоевываютъ тамъ господствующее положеніе, мѣняется и настроеніе вѣка.

Для этого настроенія несомнѣнно наиболѣе опредѣляющими являются тѣ идеи и факты, которые производятъ самое яркое впечатлѣніе. Живость же впечатлѣнія всего сильнѣе въ первые моменты. Чѣмъ дольше продолжается

оно, тѣмъ безучастнѣе реагируетъ на него умъ. Въ этомъ смыслѣ и для техники, и для точной науки прошла уже пора наиболѣе сильнаго увлеченія. Поколѣніе, привыкшее пользоваться каждый день желѣзными дорогами, телеграфомъ и тысячью другихъ чудесъ, какъ чѣмъ-то совершенно обыденнымъ, отнесется довольно холодно къ самымъ необычнымъ завоеваніямъ техники. Во всякомъ случаѣ для него уже не мыслимы тѣ восторги, какими наши предки привѣтствовали первый паровозъ. Совершенно также, мы настолько свыклись съ эволюціоннымъ принципомъ и блестящими результатами его примѣненія, что никакое новое научное открытіе не можетъ вызвать такого всеобщаго и страстнаго возбужденія умовъ, какое производили при своемъ появленіи книги Дарвина, Геккеля и другихъ.

Но, помимо этого притупленія впечатлительности, есть и болѣе глубокія основанія для перелома въ общественномъ настроеніи. Ослѣпительные успѣхи техники въ XIX в. неизбѣжно повели къ ихъ переоцѣнкѣ. Вѣрили, что техника не только можетъ проявить безграничную производительность въ своей собственной области, но въ силахъ также осуществить самыя смѣлыя грезы, водворить рай на нашей бѣдной землѣ. Машины сдѣлаютъ все болѣе излишнимъ человѣческій трудъ, химія дастъ возможность утилизировать въ качествѣ пищевыхъ и другихъ веществъ огромное количество безполезныхъ до сихъ поръ матеріаловъ и сдѣлаетъ человѣка независимымъ отъ различныхъ случайностей въ жизни природы,—однимъ словомъ, недалеко то время, когда человѣчество подымется на вершину счастія и культуры. Но техника производила все новыя и новыя чудеса, а сумма человѣческаго горя и страданій все не уменьшалась. Разрѣшеніе задачи производства, которую только и ставитъ себѣ техника, не могло, конечно, разрѣшить задачи человѣческаго благополучія. Сама по себѣ техника не могла перестроить человѣческаго общества въ желательномъ смыслѣ, но на строй его она тѣмъ не менѣе оказываетъ могущественное вліяніе. Такъ,

для настоящаго состоянія техники характерно не только машинное производство неисчислимыхъ количествъ различныхъ товаровъ, но также и возникновеніе крупныхъ городскихъ центровъ съ рабочимъ пролетаріатомъ. Вліяя такимъ образомъ не только на отношенія человѣка къ природѣ, но и на отношенія человѣка къ человѣку, техника создаетъ задачи, разрѣшить которыя собственными силами она не въ состояніи. Отношенія между людьми должны удовлетворять не только требованіямъ техническаго процесса, но и требованіямъ нравственности; они должны быть нормальны не только въ техническомъ, но и въ общественномъ отношеніи: техническая задача должна быть пополнена соціальной. И по своей важности послѣдняя отодвигаетъ на задній планъ первую. Все больше начинаютъ сознавать, что всего нужнѣе не пріобрѣтеніе новыхъ богатствъ, но созданіе лучшихъ нормъ общежитія. XIX вѣкъ, говоритъ Вольфъ, далъ людямъ помѣстительный и роскошный домъ. Если у насъ и есть желаніе и дальше продолжать украшеніе и расширеніе его, то оно отступаетъ на задній планъ предъ великимъ и важнымъ вопросомъ: какъ устроиться въ немъ?

Въ сферу матеріальныхъ отношеній, гдѣ до сихъ поръ не только считались съ существующимъ фактомъ, но и преклонялись предъ нимъ, долженъ быть внесенъ элементъ должнаго, нравственнаго, элементъ *идеала*.

Такое же измѣненіе, повидимому, намѣчается и въ умственной сферѣ. Проникновеніе эволюціонною идеей заставило обратить все вниманіе на изученіе развитія, на изученіе объективныхъ причинъ, создавшихъ данные факты или явленія. Новое направленіе привело къ великимъ завоеваніямъ мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно породило массу детальныхъ изслѣдованій, оказавшихся по плечу самымъ дюженнымъ способностямъ. Всѣ эти «микроскопическіе и микрологическіе», говоря ѣдкими словами Шопенгауэра, изслѣдователи накопили по различнымъ мелкимъ и частнымъ вопросамъ массу разрозненнаго фактическаго мате-

ріала, разобраться въ которомъ трудно даже имъ самимъ. Какъ реакція противъ такого положенія дѣлъ, естественно назрѣваетъ тенденція—получить вмѣсто всего этого подавляющаго груза мелкихъ и подчасъ неизбѣжныхъ частностей что-нибудь общее, цѣльное. А вмѣстѣ съ тѣмъ хочется знать не только прошлое, исторію образованія тѣхъ или другихъ формъ, но также поднять и завѣсу будущаго, уяснить себѣ не только причины, но и цѣли—тамъ, конечно, гдѣ можетъ быть мѣсто для цѣлей. Такая постановка вопроса, несомнѣнно, умѣстна лишь въ общественныхъ наукахъ. Отъ нихъ-то настроеніе времени все болѣе настойчиво и требуетъ постановки вопроса о *цѣляхъ* и о способѣ осуществленія цѣлей, ставящихся во имя опредѣленнаго идеала,—однимъ словомъ, теоріи разрѣшенія той задачи, которая поставлена, но не разрѣшена техникой. Задача эта, въ конечномъ счетѣ, сводится къ разрѣшенію вопроса, каковы въ дѣйствительности и каковы должны быть отношенія между индивидомъ и обществомъ.

Вопросъ этотъ разрѣшается теперь совершенно не такъ, какъ 100 лѣтъ тому назадъ.

Въ концѣ XVIII в. исходнымъ пунктомъ всѣхъ разсужденій о человѣкѣ было положеніе: человѣкъ—это индивидъ. При объясненіи всѣхъ историческихъ явленій человѣкъ изображался соціальнымъ атомомъ, индивидомъ, выдѣленнымъ изъ общественныхъ связей: это было послѣдовательное атомистическое воззрѣніе. Всякій видъ сообщества представлялся просто механическимъ соединеніемъ индивидовъ. Только одни они представлялись истинно - реальнымъ, непосредственно даннымъ; общественныя же группы казались чѣмъ-то вторичнымъ, производнымъ. Всѣ основы культуры считались созданіями сознательной индивидуальной дѣятельности. Въ XVIII вѣкѣ серьезно, напримѣръ, занимались вопросомъ о томъ, какъ былъ «изобрѣтенъ» языкъ или «изобрѣтена» религія. Съ особенною же яркостью индивидуализмъ XVIII вѣка ска-

зывается въ ученіи о государствѣ и тогдашнихъ политико-экономическихъ доктринахъ.

Государство въ XVIII вѣкѣ представлялось чисто внѣшнимъ, мозаичнымъ соединеніемъ индивидовъ, объединенныхъ не естественною, а лишь юридическою связью. Установлена же эта связь по сознательному соглашенію независимыхъ дотолѣ людей, по *договору* индивидовъ между собой. Различныя жизненныя неудобства, главнымъ образомъ, отсутствіе безопасности привели этихъ индивидовъ къ заключенію, что выгоднѣе отказаться, ради обезпеченія себѣ этой безопасности, отъ части прежней полной независимости и учредить государство.

Такая теорія наложила свою печать и на отношенія къ государству. Разъ оно является учрежденіемъ, созданнымъ во имя интересовъ отдѣльныхъ лицъ, то у него и нѣтъ другихъ цѣлей, кромѣ служенія этимъ интересамъ. Оно должно обезпечить индивидамъ охрану отъ всякаго внѣшняго нападенія, должно поддерживать правовой порядокъ внутри общества, а затѣмъ поменьше вмѣшиваться въ жизнь и дѣйствія отдѣльныхъ индивидовъ и въ ходъ культурнаго развитія. Государство вѣдь, по теоріи того времени, являлось лишь неизбѣжнымъ зломъ. Отъ него нельзя отказаться, такъ какъ ничѣмъ несдерживаемый эгоизмъ отдѣльныхъ лицъ сдѣлаетъ невозможнымъ существованіе на землѣ, но его вмѣшательство должно быть сведено къ минимуму, и чѣмъ больше будетъ совершенствоваться человѣчество, тѣмъ ничтожнѣе будетъ становиться роль государства. Это ученіе было естественной реакціей противъ полицейскаго государства временъ просвѣщеннаго деспотизма, съ его невыносимой опекой надъ самыми интимными сторонами индивидуальной жизни. Но само по себѣ это ученіе о государствѣ, сводившее его роль, говоря словами Лассаля, къ роли ночного сторожа, сторожащаго покой мирно спящихъ гражданъ, было однимъ изъ самыхъ убогихъ, какія когда - либо существовали.

Такимъ же индивидуализмомъ были проникнуты политико-экономическія ученія физіократовъ, а затѣмъ Адама Смита и его послѣдователей (классическая политическая экономія). Народное хозяйство является лишеннымъ внутренней связи конгломератомъ хозяйственныхъ индивидовъ. Каждый изъ нихъ руководится жаждой личной выгоды. Въ этомъ—залогъ наилучшаго достиженія желательныхъ результатовъ, такъ какъ своекорыстіе изощряетъ и чутье, и сообразительность и помогаетъ найти наилучшіе пути и средства. Чѣмъ меньше полагается препятствій свободному проявленію экономическихъ силъ, чѣмъ безпрепятственнѣе удовлетворяются многоразличные частные интересы, тѣмъ лучше для цѣлаго. Обостренная конкуренція приводитъ въ дѣйствіе всѣ силы. Слабый, неспособный къ борьбѣ неизбѣжно гибнетъ, сильный и жизнеспособный выбивается къ свѣту. Въ концѣ-концовъ устанавливаются равновѣсіе и естественная гармонія, осуществляющая максимальную для даннаго момента сумму человѣческаго благополучія. Государству такимъ образомъ нужно озаботиться лишь объ охранѣ безопасности и правъ индивидовъ, объ устраненіи всѣхъ преградъ, стоящихъ на пути развитія индивидуальныхъ силъ, а затѣмъ оно должно устраниться отъ всякаго вмѣшательства въ экономическую жизнь. Знаменитая формула физіократа Гурне: «Laissez faire, laissez passer! Le monde va de lui-même!» и до сихъ поръ остается непререкаемымъ догматомъ для такъ называемой манчестерской школы, считающей крайне вреднымъ всякое положительное вмѣшательство государства въ производство и распредѣленіе товаровъ.

Особенно характеренъ для индивидуалистическаго настроенія того времени необычайный международный успѣхъ произведенія Даніеля Дефо. Въ своемъ «Робинзонѣ Крузо» авторъ, какъ всѣмъ извѣстно, далъ исторію совершенно изолированнаго индивида, сумѣвшаго, во имя хорошо понятой личной пользы, добиться шагъ за шагомъ всѣхъ тѣхъ культурныхъ благъ, которыя являются эта-

пами въ исторіи развитія человѣчества въ его цѣломъ. Книга давала такимъ образомъ яркое выраженіе характернѣйшей идеѣ вѣка: она, говоря словами Еллинека, рисовала «тріумфъ соціальнаго атома, могущаго произвести цѣлый міръ изъ самого себя».

Уже съ начала XIX в. точныя историко - критическія изслѣдованія стали разрушать фантастическія построенія теоретическаго индивидуализма. Этнографія познакомила насъ съ дѣйствительнымъ, а не вымышленнымъ бытомъ первобытныхъ племенъ; археологія возстановила картину жизни человѣка каменнаго вѣка и рѣшительно нигдѣ—ни въ настоящемъ, ни въ прошломъ—не оказалось человѣка въ до-общественномъ быту. Такого быта никогда и не было. Люди всѣхъ расъ, всѣхъ временъ и всѣхъ частей свѣта всегда оказывались соединенными въ группы. Это группы самаго различнаго состава, начиная отъ примитивной орды, родового союза и до нынѣшнихъ сложныхъ общественныхъ организацій; но въ той или другой формѣ общественная группировка существовала всегда. Человѣчество никогда не знало изолированныхъ, независимыхъ отъ какого бы то ни было общественнаго союза индивидовъ. Наоборотъ, чѣмъ дальше къ началу исторіи, тѣмъ съ большей зависимостью личности, тѣмъ съ большимъ подчиненіемъ ея цѣлому встрѣчаемся мы. Вначалѣ общество все, личность—ничто. Племя пользовалось неограниченною властью надъ каждымъ изъ своихъ членовъ. Не было и самостоятельной внутренней жизни. Однородныя условія существованія налагали печать однообразія на всѣхъ и вмѣсто безконечнаго психическаго разнообразія, характеризующаго современное общество, приходилось имѣть дѣло съ однообразной нерасчленной массой. Общая культура развивалась медленно и постепенно, она нарастала стихійно, безъ всякаго вмѣшательства отдѣльныхъ геніевъ, которые своими изобрѣтеніями быстро преобразовывали бы ее. Ни языкъ, ни искусство, ни право, ни

религія не обязаны своимъ происхожденіемъ сознательнымъ усиліямъ какого-либо «изобрѣтателя». Они развивались медленно и незамѣтно, какъ незамѣтно растетъ организмъ. Ихъ возникновеніе и развитіе совершались подъ вліяніемъ нароставшихъ потребностей общества: они являлись всецѣло не индивидуальными, а *общественными* созданіями. Изолированный человѣкъ вѣчно остался бы при однихъ животныхъ крикахъ и никогда не додумался бы до рѣчи, какъ остался бы онъ безъ права, науки, искусства, морали, религіи и другихъ достояній культуры. Но онъ имѣетъ все это и именно потому, что никогда не былъ изолированнымъ существомъ: изолированный индивидъ—такая же фикція, какъ и атомъ. Если мы теперь и говоримъ объ индивидѣ, то не какъ о человѣкѣ, стоящемъ внѣ общественной связи, а какъ о человѣкѣ съ собственной оригинальной физіономіей. Но такой индивидъ могъ появиться не въ началѣ, а лишь въ концѣ совершившагося доселѣ развитія человѣчества. Созданіе этой внутренней индивидуальности человѣка—дѣло главнымъ образомъ послѣднихъ 3-хъ вѣковъ. Но какъ бы геніальны ни были проявленія отдѣльнаго человѣка, всѣмъ своимъ развитіемъ, тѣмъ, что онъ есть, онъ обязанъ предыдущей культурѣ, воплотить которую въ себѣ выпало ему на долю. Онъ обязанъ всѣмъ создавшему его обществу, должникомъ котораго онъ останется всю жизнь. Безъ общества вообще, безъ даннаго культурнаго общества въ частности онъ былъ бы нулемъ. Въ противовѣсъ фикціи XVIII в. объ изолированномъ индивидѣ современная наука, восклицаетъ Вольфъ, установила, какъ незыблемый фактъ: начало всей культуры, даже самого человѣка,—соціально. Человѣкъ—*соціальное существо*!

Но на протяженіи XIX в. индивидуализмъ былъ опровергнутъ не только *теоретически*. Жизнь доказала также полную *практическую* неосуществимость его положеній.

Начало вѣка ознаменовалось блестящими побѣдами индивидуалистическихъ идей и, несомнѣнно, онѣ выполнили

великую историческую миссію, пробивъ брешь въ тѣхъ крѣпкихъ стѣнахъ, въ которыя замкнули европейское общество средніе вѣка. Только по мѣрѣ того какъ личность освобождалась отъ оковъ цеха, крѣпостного состоянія и другихъ давящихъ узъ, стало возможнымъ то полное напряженіе всѣхъ силъ въ свободной экономической борьбѣ, которое привело къ безпримѣрному расцвѣту промышленности и средствъ сообщенія, улучшенію школьнаго дѣла, блестящему развитію прессы и проч. Блескъ этихъ крупныхъ завоеваній, естественно, долженъ былъ вначалѣ ослѣпить всѣхъ. Громкій хоръ побѣдныхъ кликовъ заглушалъ слабые голоса тѣхъ, кто не видѣлъ въ свободной и ничѣмъ не сдерживаемой конкуренціи панацеи противъ всѣхъ золъ. Только съ половины вѣка тревожные симптомы заставляютъ попристальнѣе присмотрѣться къ дѣлу. И тогда, къ удивленію многихъ, выяснилось, что хотя индивидуализмъ уничтожилъ или ослабилъ нѣкоторыя изъ прежнихъ формъ зависимости индивида, но обострилъ другія и даже создалъ новыя.

Юридическое уничтоженіе подчиненія человѣка человѣку не привело еще къ фактической свободѣ. Такъ, по закону, рабочій и работодатель совершенно равноправны. Между ними существуютъ лишь отношенія продавца и покупателя. Рабочій продаетъ свой товаръ—рабочую силу—покупателю-капиталисту, и никто не въ правѣ заставить его продать этотъ товаръ на невыгодныхъ для себя условіяхъ. Но фактически онъ сплошь и рядомъ вынуждается къ невыгодной продажѣ. Его трудъ—его единственный товаръ. Приложить его къ дѣлу самостоятельно онъ не можетъ, такъ какъ необходимые сырые матеріалы, инструменты, помѣщеніе для работы, однимъ словомъ, капиталъ находятся не въ его вѣдѣніи. А такъ какъ съ продажей рабочихъ рукъ нельзя ждать, какъ съ другимъ товаромъ, до того времени, пока сложатся благопріятныя для продажи обстоятельства (ѣсть вѣдь нужно каждый день), то и приходится продавать ихъ по какой угодно

цѣнѣ. Пресловутая «свобода» договора—не болѣе какъ фикція. Но рабочая сила рабочаго не отдѣлима отъ его личности, а потому капиталистъ получаетъ власть не только надъ матеріальнымъ, но также и духовнымъ, и нравственнымъ существованіемъ человѣка.

Теоретики свободной конкуренціи утверждали, что она приведетъ къ торжеству лучшаго, наиболѣе одареннаго, разовьетъ и изощритъ всѣ способности личности. И это—не болѣе, какъ греза. Въ борьбѣ одерживаетъ верхъ неспособнѣйшій, а обладающій наибольшимъ капиталомъ. Мелкое производство, даже при крупнѣйшихъ талантахъ рабочаго, не можетъ конкурировать съ крупнымъ, выбрасывающимъ на рынокъ массу товаровъ по такимъ дешевымъ цѣнамъ, которыя не окупаютъ затратъ при мелкомъ производствѣ. Вмѣсто рая земного, который сулили теоретики индивидуализма, вмѣсто установленія гармоніи, въ мірѣ воцарилась самая дикая борьба. Судьба современнаго человѣка, освобожденнаго отъ цеховыхъ оковъ, очень похожа, говоритъ Вольфъ, на судьбу римскаго преступника, предъ которымъ растворили двери тюрьмы, чтобы бросить его на арену, заполненную голоднымъ звѣрьемъ. Никогда еще человѣкъ не былъ настолько волкомъ для другого человѣка, какъ именно теперь. Торжество одного возможно сплошь и рядомъ лишь на счетъ другого, а иногда погоня за побѣдой приводитъ къ массовой гибели, какъ свидѣтельствуютъ періодически повторяющіеся кризисы въ производствѣ. Каждый стремится произвести побольше товара, находящаго хорошій сбытъ; это неизбѣжно ведетъ къ переполненію рынка и послѣдующему кризису. Производитель не считается съ тою фактическою зависимостью, въ какой онъ находится отъ цѣлаго, и жестоко страдаетъ отъ игнорированія этого обстоятельства, а вмѣстѣ съ нимъ страдаютъ и всѣ, продавшіе ему свои руки. Хотя бы каждая отдѣльная фабрика являлась образцомъ правильной постановки дѣла, но общая картина товарнаго производства въ странѣ представляетъ картину полной анархіи.

Если отъ производителя мы перейдемъ къ потребителю, то зависимость отъ цѣлаго сказывается еще ярче. Въ основѣ нынѣшняго производства лежитъ крайнее раздѣленіе труда. Давно прошли тѣ времена, когда каждое отдѣльное хозяйство удовлетворяло всѣмъ своимъ потребностямъ. Теперь каждый, въ большинствѣ случаевъ, производитъ какой-либо одинъ товаръ, подчасъ ему самому ненужный; то же, что необходимо для удовлетворенія его собственныхъ потребностей, создается совмѣстными усиліями множества другихъ людей. Въ этомъ отношеніи въ полной зависимости отъ другихъ находится не только отдѣльный индивидъ: такая же зависимость существуетъ теперь между цѣлыми народами, между частями свѣта. Отдѣльныя страны производятъ теперь главнымъ образомъ тѣ товары, производство которыхъ, при данныхъ условіяхъ, является для нихъ самымъ выгоднымъ, получая изъ другихъ странъ многое изъ того, что необходимо для удовлетворенія существеннѣйшихъ жизненныхъ потребностей. Типическимъ примѣромъ является Англія, эта всемірная фабрика, снабжающая полміра своими фабричными издѣліями, но давно уже ввозящая чужой хлѣбъ.

Такимъ образомъ, къ какимъ бы сторонамъ экономической жизни мы ни обратились, мы видимъ, что провозглашенной закономъ юридической свободѣ не соотвѣтствуетъ фактическое положеніе вещей. Измѣнилось названіе, но не существо дѣла. Отношенія подчиненія и господства остались, только теперь они основываются не на законѣ и обычаѣ, а на имущественномъ положеніи.

Помочь горю, очевидно, могла не индивидуалистическая борьба всѣхъ противъ всѣхъ, съ неизбѣжнымъ ея послѣдствіемъ—хоатическимъ раздробленіемъ силъ. Начинаютъ обращаться прямо къ противоположному средству, именно—*объединенію*. Вездѣ, даже тамъ, гдѣ прежде раздавались самые громкіе голоса за полное освобожденіе индивида отъ какихъ бы то ни было узъ, начинаютъ убѣждаться въ томъ, что не только ради высшихъ куль-

турныхъ интересовъ, но и ради собственнаго блага отдѣльные члены общества должны стремиться къ объединенію съ другими. Этотъ взглядъ всего раньше сталъ распространяться среди тѣхъ лицъ, для которыхъ всего чувствительнѣе были послѣдствія изолированнаго положенія, именно среди рабочаго пролетаріата. Въ наиболѣе промышленной странѣ, Англіи, попытки его къ объединенію начинаются съ первыхъ десятилѣтій XIX вѣка. Но мало-по-малу объединительныя тенденціи проникаютъ и въ другіе слои. Создаются потребительныя общества, общества для закупки сырья, необходимаго для мелкаго ремесленнаго производства, кредитныя ассоціаціи, производительныя товарищества, различныя общества взаимопомощи и т. д. Даже крупные предприниматели, въ прежнее время такіе рьяные сторонники необузданной конкуренціи, стали входить въ союзы (картели), болѣе или менѣе исключающіе свободную конкуренцію. Горькій опытъ индивидуалистической эпохи такимъ образомъ снова пробудилъ соціальные инстинкты, и вмѣсто принудительныхъ союзовъ средневѣковья вездѣ стали возникать свободныя сообщества.

Такимъ образомъ и научныя изслѣдованія, и опытъ повседневной жизни приводятъ къ одному и тому же заключенію, именно, что крайній индивидуализмъ долженъ быть отвергнутъ, отвергнутъ и въ теоріи, и на практикѣ. Онъ не пригоденъ ни для объясненія современной дѣйствительности, ни какъ руководящій принципъ для нашихъ дѣйствій. Человѣкъ—существо соціальное, онъ находится въ полной зависимости отъ общества, и только, какъ соціальному существу, ему и подобаетъ проявлять себя. Это—не новая истина, но никогда она не была для большинства такою несомнѣнною истиной, какъ именно теперь. Ее пришлось выстрадать дорогою цѣной многихъ ошибокъ и разочарованій, и она начинаетъ теперь входить въ плоть и кровь каждаго. Она является достояніемъ и ученаго, уяснившаго ее себѣ путемъ точнаго анализа,

и чернорабочаго, на собственныхъ бокахъ, въ тяжкой борьбѣ за существованіе, почувствовавшаго всю безпомощность изолированнаго индивида.

Въ этомъ всеобщемъ и, повидимому, безповоротномъ признаніи зависимости каждаго единичнаго существованія отъ общественныхъ условій и заключается существенно новая черта нашего времени. Какъ бы ни относились отдѣльныя лица къ этой зависимости индивида отъ общества,—будетъ ли сознаніе этого факта наполнять ихъ высокою радостью и давать толчокъ дальнѣйшему развитію ихъ нравственныхъ чувствъ, или же, наоборотъ, лишь мимовольно, скрѣпя сердце, признаютъ они фактъ, — но отрицать эту зависимость нѣтъ возможности. И поскольку эта идея усваивается во всемъ ея объемѣ и ея огромномъ значеніи, она является идеей-силой, которая вытѣсняетъ эгоистическіе и индивидуалистическіе мотивы и точки зрѣнія и придаетъ всей культурѣ совершенно новый отпечатокъ. «Здѣсь,—говоритъ Вольфъ,—предъ нами нѣчто новое, къ приближенію котораго мы, современники этихъ измѣненій, относимся съ глубокимъ волненіемъ, взирая на него то съ свѣтлою вѣрой, то съ ужасомъ. Это — начало обобществленія всѣхъ областей жизни, подготовленіе будущаго общества, матеріальныя и духовныя блага котораго будутъ создаваться не хаотической борьбой изолированныхъ индивидовъ, а совмѣстными дѣйствіями людей, вполнѣ сознавшихъ свою зависимость и другъ отъ друга, и отъ своего прошедшаго и стремящихся упрочить результаты своей работы сознательнымъ объединеніемъ. Весь этотъ процессъ пока еще проходилъ лишь начальныя стадіи, застарѣлыя мысли и чувства все еще даютъ себя знать. Но и первыя попытки воплощенія общественныхъ тенденцій уже достаточно значительны и несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что ученіе объ общественной обусловленности единичнаго существованія станетъ культурнымъ принципомъ, опредѣляющимъ направленіе всей жизни.

Другими словами: современность стремится разрѣшить въ *соціальномъ духѣ* тѣ великія задачи, которыя выдвинуты развитіемъ XIX вѣка». Это сказывается въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ: въ государствѣ и правѣ, въ наукѣ, искусствѣ, морали.

По своимъ воззрѣніямъ на государство мы начинаемъ нѣсколько приближаться къ античнымъ представленіямъ. Въ глазахъ великихъ греческихъ философовъ государство далеко не было механическимъ скопленіемъ индивидовъ. Наоборотъ, оно казалось имъ большимъ цѣлымъ духовнаго порядка,— цѣлымъ, которому подчинена и внѣшняя, и внутренняя жизнь личности. Своимъ извѣстнымъ выраженіемъ: «человѣкъ есть существо политическое», Аристотель указываетъ на то, что государство появляется раньше индивида. Изолированно, по Аристотелю, можетъ жить только богъ или звѣрь. Человѣческое же существованіе мыслимо лишь въ государствѣ, начала котораго нужно искать не въ какомъ-либо учредительскомъ договорѣ, а въ присущемъ людямъ общественномъ инстинктѣ. Государство, по античному ученію, являлось не только чѣмъ-то цѣлымъ, но и безконечно высшимъ, совершенно поглощающимъ личность, безусловно подчиняющимъ ее себѣ. Такого полнаго подчиненія личности, проникновенія государства даже въ интимную ея жизнь мы болѣе не допускаемъ. Время, протекшее съ эпохи возрожденія, не прошло даромъ: успѣли сложиться индивидуальность и умѣнье цѣнить ее. Посягательства полицейскаго государства 17 и 18 вѣковъ даже на интимную жизнь гражданъ возбуждаютъ теперь отвращеніе. Но только къ этимъ тайникамъ человѣческой души нѣтъ доступа государству. Во всемъ остальномъ роль его громадна. Оно (мы разумѣемъ нормальное культурное государство, не только организацію управленія, но и самоуправленія) дѣйствительно высшее органическое цѣлое, призванное не только къ обереганію индивидуальныхъ правъ, но и къ выполненію ряда положительныхъ задачъ и энергическому вмѣшатель-

ству въ тѣ сферы, гдѣ для достиженія полезнаго результата не достаточно силъ и желанія отдѣльнаго человѣка. Очень многое, относящееся даже къ матеріальной обстановкѣ общественной жизни, не можетъ быть оставлено въ частныхъ рукахъ. Къ тому или другому промышленному предпріятію частное лицо обыкновенно привлекается лишь соображеніями личной выгоды, и если предпріятіе, очень важное въ общественномъ смыслѣ, не сулитъ барыша, оно рискуетъ не привлечь къ себѣ достаточнаго количества силъ. Въ такихъ случаяхъ государство не можетъ остаться безучастнымъ и должно взять на себя тѣ предпріятія, которыя хотя и являются убыточными въ предпринимательскомъ смыслѣ, но необходимы для поддержанія на надлежащей высотѣ культуры страны. Извѣстнѣйшимъ примѣромъ изъ этой области является обращеніе (во всѣхъ почти культурныхъ странахъ) въ государственную собственность желѣзныхъ дорогъ, почтъ и телеграфовъ. Государство и органы самоуправленія берутъ на себя также заботы о снабженіи свѣтомъ и водой, устройствѣ больницъ, школъ, музеевъ и библіотекъ. Ради прочности и обезпеченности всѣхъ этихъ учрежденій, столь важныхъ для интересовъ общества, они не должны становиться предметомъ частной спекуляціи.

Но государство обезпечиваетъ теперь интересы цѣлаго не только тѣмъ, что становится во главѣ крупныхъ хозяйственныхъ и культурныхъ предпріятій. Еще важнѣе его общественная роль, какъ создателя права: не обычай, а законъ является теперь главнымъ источникомъ права, а именно законодательство культурныхъ странъ проникается соціальной точкой зрѣнія.

Если этого требуетъ благо цѣлаго, то права отдѣльныхъ лицъ подвергаются чувствительнымъ ограниченіямъ; на частныхъ лицъ, въ интересахъ цѣлаго, возлагаются подчасъ тяжелыя обязанности. Мы знаемъ теперь,—чего не хотѣли знать предшествовавшія эпохи,—что развитіе цѣлаго обусловливается гармоническимъ содѣйствіемъ

всѣхъ круговъ и классовъ общества, и что страданія каждаго изъ членовъ государственнаго тѣла дурно отражаются на состояніи цѣлаго. Слабый въ экономическомъ отношеніи, въ интересахъ цѣлаго, не долженъ дѣлаться жертвой эксплоатаціи, не долженъ вырождаться и гибнуть въ физическомъ и психическомъ отношеніи. Трудно указать болѣе яркій примѣръ соціальныхъ тенденцій времени, чѣмъ рабочее законодательство культурныхъ странъ, стремящееся оградить здоровье и вообще благосостояніе рабочаго отъ крайней эксплоатаціи «свободнаго договора». Особенно поучительна въ этомъ отношеніи исторія Англіи. Въ этой странѣ, опередившей всѣ другія своимъ промышленнымъ развитіемъ, раньше всего обострились и обратили на себя вниманіе правительства ужасныя условія работы и жизни рабочаго пролетаріата. Шагъ за шагомъ пришлось проводить мѣропріятія въ пользу рабочихъ. Предприниматели сперва всѣми силами противодѣйствовали имъ и только послѣ долгой борьбы и всяческихъ изворотовъ сочли себя вынужденными подчиниться. Въ длинномъ ряду англійскихъ фабричныхъ актовъ нѣтъ ни одного постановленія, по поводу котораго фабриканты въ свое время не кричали бы, что подобное неслыханное нападеніе на экономическую «свободу» погубитъ всю промышленность. Но ни въ Англіи, ни въ любой другой странѣ законодательное регулированіе рабочаго дня, ограниченіе работы женщинъ и дѣтей, государственное страхованіе рабочихъ или другая какая-либо мѣра соціальной политики нисколько не повредили промышленности. Наоборотъ, именно тѣ страны, которыя пользуются трудомъ не забитыхъ и нищихъ рабовъ, а здоровыхъ, высокостоящихъ и въ умственномъ, и нравственномъ отношеніи, рабочихъ достигли наиболѣе блестящихъ промышленныхъ результатовъ.

И въ другихъ отношеніяхъ законодательство также проникается соціальнымъ духомъ. Такъ, по поводу одного изъ интереснѣйшихъ законодательныхъ актовъ новѣйшаго вре-

мени, гражданскаго кодекса Германской имперіи, Гахенбургъ говорилъ слѣдующее: «Я придерживаюсь того взгляда, что законъ стоитъ на почвѣ не личнаго, а соціальнаго права. Для него отдѣльный человѣкъ не индивидъ, освобожденный отъ связи съ остальными людьми и могущій добиваться своихъ правъ и пользоваться ими, не считаясь съ тѣмъ, какъ это отразится на другихъ... Въ глазахъ гражданскаго кодекса каждый является членомъ большого цѣлаго... Имущественныя права предоставляютъ каждому, пользующемуся ими, объективную возможность ставить другихъ въ обязательныя къ себѣ отношенія. Но никто не долженъ пользоваться этою возможностью въ такомъ направленіи, которое оказалось бы вреднымъ для блага цѣлаго. Этимъ взглядомъ объясняется огражденіе отъ легкомысленныхъ предпріятій, уничтоженіе ростовщическихъ актовъ и пр. *Гражданскій кодексъ является соціальнымъ правомъ, поскольку онъ возлагаетъ на пользующагося правами также и обязанности, вытекающія изъ его принадлежности къ человѣческому сообществу*».

Переходя къ области *духовной* жизни, интересно прежде всего отмѣтить характерный параллелизмъ, замѣчаемый въ развитіи матеріальной и духовной жизни. Лѣтъ сто тому назадъ главной задачей народнаго хозяйства являлся вопросъ о надлежащей организаціи производства. На немъ были сосредоточены всѣ силы. Съ тѣхъ поръ, какъ техника добилась чудесъ и накопила огромнѣйшія богатства, самымъ настоятельнымъ и грознымъ вопросомъ сдѣлалась задача *распредѣленія*. То же и въ области мысли. И здѣсь вопросъ о производствѣ разрѣшенъ удовлетворительно. Найдены правильные методы изслѣдованія, позволяющіе до безконечности расширить область познаваемаго. Накоплена масса знаній. Но неужели она должна остаться достояніемъ немногихъ? Пробудившійся соціальный духъ времени требуетъ другого: знаніе должно стать общимъ достояніемъ, наука только тогда выполнитъ свою

культурную миссію, когда будетъ свѣтить яркимъ пламенемъ всему народу, а не мерцать среди него въ видѣ рѣдкихъ только и быстро тухнущихъ искръ. *Популяризація знаній* является теперь еще болѣе настоятельной задачей, чѣмъ проложеніе новыхъ научныхъ путей. Этимъ убѣжденіемъ начинаютъ все болѣе проникаться и ученые. Среди людей дѣйствительно талантливыхъ все меньше становится такихъ, которые считаютъ своею обязанностью держаться на недоступныхъ высотахъ чистой науки и говорить языкомъ, темнымъ для непосвященныхъ. Прошло, къ счастію, то время, когда легкость и изящество изложенія считались, особенно у нѣмцевъ, признакомъ поверхности, даже шарлатанства автора, и когда популярныя книги писались только дилетантами и выходили не популярными, а тривіальными. Теперь не только западно-европейская, но и русская литература можетъ указать на рядъ блестящихъ популярныхъ сочиненій, написанныхъ первоклассными учеными, сумѣвшими соединить глубокую научность съ блескомъ, художественностью и прозрачною ясностью изложенія. Помимо задачи распространенія знаній, популяризація выполняетъ еще и задачу объединенія его, столь настоятельную при крайней спеціализаціи отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ.

Но однѣ книги не могутъ еще вполнѣ удовлетворить запросамъ знанія. Въ чтеніи многое теряется. Начинающему трудно отдѣлить существенное отъ второстепеннаго, что такъ легко сдѣлать въ устной бесѣдѣ, гдѣ самымъ тономъ сразу оттѣняется наиболѣе важное. Особенно послѣ утомительной тяжелой работы необходимы возбуждающія впечатлѣнія живой, убѣдительной рѣчи, необходимо заражающее воодушевленіе внимательной аудиторіи. Необходима, наконецъ, возможность непосредственнаго обмѣна мыслей по поводу заинтересовавшихъ вопросовъ. Однимъ словомъ, и массы нуждаются въ такой организаціи сообщенія знаній, какая давно уже является достояніемъ немногихъ счастливцевъ. И эта назрѣвшая потребность на-

чинаетъ удовлетворяться все больше. «Движеніе университета въ народъ» широкой волной разливается по всему образованному міру.

Проникается соціальнымъ духомъ и *искусство*, при чемъ соціальныя тенденціи сказываются здѣсь въ двухъ направленіяхъ: и въ содержаніи художественныхъ произведеній, и въ распространеніи ихъ воздѣйствія.

По своему содержанію соціальнымъ должно быть признано всякое художественное произведеніе, которое даетъ картину не однѣхъ перипетій личной жизни, но отражаетъ жизнь любого общественнаго класса или даже всего народа, съ характерными для этой жизни запросами и столкновеніями, радостями и горемъ. Такія вещи, какъ романъ Золя «Жерминаль», какъ драма Гауптмана «Ткачи», какъ скульптура Монье, какъ «Бурлаки» Рѣпина, показали, что во всѣхъ областяхъ искусства общественное содержаніе можетъ соединяться съ высокою художественностью исполненія. Героемъ соціальнаго художественнаго произведенія обыкновенно бываетъ не личность, а извѣстный классъ или весь народъ, какъ въ «Ткачахъ» Гауптмана, гдѣ нѣтъ ни одного героя въ общепринятомъ смыслѣ. Иногда же въ нихъ выводится и отдѣльный «герой», но главный интересъ сосредоточивается не на его личности, а на тѣхъ классовыхъ тенденціяхъ, выразителемъ которыхъ является онъ. Примѣромъ могутъ служить тѣ драмы изъ учительской жизни, съ которыми читатель знакомъ по статьѣ г. Ловича въ № 6 *Вѣстника Воспитанія* за текущій годъ («Воспитатель Флаксманъ», пользующійся громаднымъ успѣхомъ на московской сценѣ, и «Probekandidat»).

Соціальными, наконецъ, являются и тѣ художественныя произведенія (а ихъ очень много, и среди нихъ есть превосходнѣйшія), которыя рисуютъ личную жизнь, какъ созданіе всей окружающей обстановки, какъ продуктъ *среды*. «Своеобразная сила и величіе современной литературы,—говоритъ Вольфъ,—и состоитъ именно въ неерав-

ненномъ изображенiи среды, въ раскрытiи самыхъ тонкихъ взаимоотношенiй между личностью и окружающей обстановкой. Идя по стопамъ великихъ англiйскихъ и французскихъ романистовъ, новое искусство достигло огромныхъ успѣховъ въ выясненiи личности человѣка изъ условiй той почвы, на которой онъ выросъ. За то мастерство, съ которымъ оно рисуетъ психологiю среды и изображаетъ человѣка, какъ соцiальное существо, оно въ самомъ глубокомъ смыслѣ можетъ быть названо *соцiальнымъ искусствомъ*».

Другой стороной соцiальныхъ тенденцiй въ искусствѣ является стремленiе къ *популяризацiи* его. Сдѣлать художественныя произведенiя достоянiемъ массъ нельзя однимъ только предоставленiемъ народу свободнаго доступа къ сокровищницамъ искусства. Чтобы наслаждаться ими, нужно хоть немного стряхнуть съ себя гнетъ нищеты, давящiя заботы о насущномъ кускѣ хлѣба. Безъ необходимыхъ экономическихъ реформъ будутъ тщетны стремленiя сдѣлать искусство достоянiемъ массъ. Но сами по себѣ эти стремленiя не менѣе важны, чѣмъ заботы о популяризацiи науки. То, какъ народъ проводитъ свой досугъ, какъ онъ веселится, составляетъ немаловажную черточку въ его характерѣ. А именно состоянiе этой стороны народной жизни едва ли можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Одинъ и тотъ же народъ, когда мы наблюдаемъ его въ его трудѣ и его развлеченiяхъ, вызываетъ у насъ подчасъ прямо противоположныя чувства. Развлеченiя трудящихся массъ даже въ цивилизованныхъ странахъ являются, быть можетъ, самымъ яркимъ симптомомъ того, какъ мало сопровождаются внутренней культурой блестящiя внѣшнiя формы комфорта, созданныя успѣхами техники. Въ облагороженiи народнаго вкуса, въ томъ, чтобы сдѣлать понятнымъ и дорогимъ для народа высокое и чистое наслажденiе взамѣнъ тѣхъ пошлостей, которыми ему приходится довольствоваться теперь,—лежитъ великая соцiальная задача искусства. Въ этомъ отношенiи

сдѣлано еще немного, но начало популяризаціи искусства уже положено. «Общества народныхъ развлеченій» возникаютъ не только за границей, но и у насъ; для народа устраиваются театры съ классическимъ репертуаромъ, организуются литературно-музыкальные вечера, дѣлаются общедоступными картинныя галлереи,—и отношеніе народа ко всѣмъ этимъ попыткамъ ярко свидѣтельствуетъ о томъ, что сѣмя падаетъ на добрую почву. Особенно удачной попыткой популяризаціи искусства Вольфу представляются тѣ вечера, которые устраиваются Шиллеровскимъ театромъ въ Берлинѣ. Вечеръ посвящается главнымъ образомъ ознакомленію съ какимъ-либо однимъ авторомъ. Короткій рефератъ знакомитъ сперва слушателей съ жизнью и литературною дѣятельностью поэта, съ его значеніемъ въ исторіи литературы. Остальная часть вечера посвящена чтенію произведеній поэта, пѣнію положенныхъ на музыку вещей его. Послѣ паузы происходитъ чтеніе пьесъ веселаго характера (если онѣ есть у автора), исполненіе музыкальныхъ произведеній или театральной пьесы. «Такъ очень счастливо разрѣшается задача соединенія внутренняго единства съ внѣшнимъ разнообразіемъ», время проводится и пріятно, и полезно.

Говоря о зависимости индивида отъ общества, о правовыхъ нормахъ, устанавливаемыхъ государствомъ, мы видѣли, что, какъ бы эгоистичны ни были поступки отдѣльнаго человѣка, какъ бы ни были его дѣйствія внушены исключительно личными соображеніями, они не могутъ не отражаться на благосостояніи цѣлаго. Многія изъ такихъ дѣйствій могутъ быть несомнѣнно полезны для общества. Но если даже поступки человѣка, вынужденные предписаніями закона, требованіями обычая, боязнью за свою добрую славу или какимъ-либо другимъ внѣшнимъ давленіемъ, и будутъ всецѣло направлены къ благу общества,—они не могутъ считаться нравственными. Только сознательное подчиненіе воли общественнымъ, а не эго-

истическимъ мотивамъ придаетъ нравственную цѣну поступкамъ. Какъ во всѣ времена, такъ и теперь признакомъ истиннаго величія души является сознательное пожертвованіе собственными интересами требованіямъ нравственнаго принципа. Высокое развитіе «индивидуальности» въ современномъ человѣкѣ нисколько не стоитъ въ противорѣчіи съ этимъ положеніемъ. Человѣку приходится не отказаться отъ индивидуальности, а отдать ее на служеніе цѣлому. Только ради цѣлаго и важно добиваться развитія въ себѣ индивидуальности, такъ какъ обществу особенно выгодно располагать недюжинными силами оригинальныхъ натуръ, обладающихъ иниціативой и энергіей. Самосовершенствованіе же для самосовершенствованія, какое проповѣдывали Лейбницъ, Хр. Вольфъ и нѣмецкая просвѣтительная философія, да проповѣдуютъ нѣкоторые индивидуалисты-моралисты и теперь, само по себѣ не имѣетъ никакой нравственной цѣны. «Человѣкъ,—говоритъ Вильгельмъ Вундтъ,—выдѣляетъ себя, какъ индивидуальность, изъ недиференцированнаго соціальнаго состоянія; но онъ индивидуализируется не для того, чтобы навсегда остаться отдѣленнымъ отъ общества, изъ котораго онъ вышелъ, а чтобы отдаться ему со всѣми своими богато развернувшимися силами». Дѣятельное служеніе обществу одно только и даетъ смыслъ и цѣну жизни. Не счастіе, а общественно-полезная работа можетъ быть цѣлью жизни мыслящаго человѣка.

Таковы требованія, предъявляемыя человѣку общественною нравственностью. И только ей, а не проповѣди самосовершенствованія ради себя самого принадлежитъ будущее. Уже и теперь элементы общественной нравственности получаютъ все большее признаніе. Трудъ, къ которому нѣкогда относились съ презрѣніемъ, считая его удѣломъ раба, а не свободнаго человѣка, начинаетъ пользоваться все большимъ уваженіемъ въ современномъ обществѣ. «Этому обществу,—говоритъ Вольфъ,—трудно забыть, что непреходящая слава 19 в. создалась не на

поляхъ брани, а явилась результатомъ неутомимой мысли тысячи выдающихся головъ и неустаннаго труда милліона мозолистыхъ рукъ». «Военный» типъ человѣка прошлаго времени, какъ отмѣтилъ Ог. Контъ и еще опредѣленнѣе— Г. Спенсеръ, начинаетъ смѣняться «промышленнымъ», и, быть можетъ, придетъ время, говоритъ Вольфъ, когда почетное право называться просто «работникомъ» не будетъ привилегіей одного только сословія.

Но благо общества требуетъ, чтобы въ каждомъ индивидѣ, кромѣ высокаго *уваженія къ труду*, развилась еще по возможности *безусловная преданность цѣлому*. При такой преданности каждый радостно отдаетъ цѣлому всего себя, со всѣми своими силами, нисколько не боясь, что совмѣстная работа съ другими, по общему плану и для общихъ цѣлей, наложитъ на него печать ординарности. Создать такую преданность одними внѣшними предписаніями государства невозможно. Внѣшнія нормы несомнѣнно важны, такъ какъ обезпечиваютъ обществу необходимый для его существованія этическій минимумъ, извѣстную лепту со стороны каждаго въ общественную сокровищницу. Но онѣ не зажгутъ въ сердцахъ божественной искры, не создадутъ того воодушевленія, безъ котораго не мыслимъ успѣхъ никакого крупнаго общественнаго дѣла. Воодушевленная преданность цѣлому, захватывающая всего человѣка и удесятеряющая его силы (а въ ней, въ этой преданности, вся суть общественной нравственности), должна быть создана не внѣшними, а внутренними воздѣйствіями, перевоспитывающими человѣка. Другими словами: существеннымъ условіемъ общественнаго прогресса является надлежащая организація *воспитанія, воспитанія общественнаго*. Соціальное воспитаніе должно захватить человѣка съ юныхъ лѣтъ, пробуждая и развивая въ немъ общественное умонастроеніе, научая его видѣть единственную достойную человѣка цѣль въ работѣ для общества. Но вліяніе соціальнаго воспитанія должно распространяться и на взрослыхъ членовъ

общества, воспитывая (популяризацiей науки и искусства) ихъ умъ и чувство, прiучая ихъ (опредѣленными общественными органиэацiями) трудиться для общества, прежде всего для своего народа.

Но соцiальное воспитанiе должно не только развить активную преданность цѣлому, прiучить къ работѣ для него, но—и это особенно важно—прiучить къ *совмѣстному* труду для великихъ культурныхъ задачъ. Ибо лишь совмѣстныя усилiя многихъ лицъ, совмѣстная работа всѣхъ слоевъ общества и можетъ создать что-либо великое. «Чувство общности,—говоритъ Шмоллеръ,—необычайно усиливаетъ и укрѣпляетъ нашу духовную производительность. Каждое чувство, благодаря сознанiю участiя въ немъ другихъ, становится болѣе живымъ; смѣлость желанiя растетъ по мѣрѣ прiобрѣтенiя сторонниковъ... Чему повѣрили десятки, то легко принимается затѣмъ сотнями. Чему повѣрили сотни, то безъ анализа дѣлается лозунгомъ тысячъ и миллiоновъ. При надлежащемъ авторитетѣ и надлежащей воспрiимчивости духовная коллективная сила растетъ, какъ лавина. *Единогласiе создаетъ такiя силы, которыя безконечно превосходятъ простую сумму ихъ*».

При такой совмѣстной работѣ, къ которой долженъ быть привлеченъ все болѣе и болѣе широкiй кругъ населенiя, жизни общества будетъ приданъ новый отпечатокъ. Все усиливающееся общественное направленiе является лишь предтечей свѣтлаго будущаго. До сихъ поръ жизнь шла стихiйно, такъ какъ каждый видѣлъ свой долгъ лишь въ томъ, чтобы устроить свою личную жизнь, общее же дѣло предоставлялось естественному ходу событiй. Все должна была совершать великая расточительница - природа, которая достигаетъ извѣстныхъ результатовъ цѣною самой безумной затраты силъ и жизней. Будущее сулитъ намъ много перемѣнъ. Грядущая культура будетъ основываться не на хаотической борьбѣ частныхъ интересовъ, а на принципѣ *солидарности*. Солидарное при-

ложеніе силъ къ исполненію общественнаго дѣла позволитъ внести элементъ предусмотрительности и планомѣрности туда, гдѣ до сихъ поръ все было предоставлено стихіи. Мы, конечно, не раздѣляемъ теперь заблужденія вѣка просвѣтительной философіи, будто бы вся культура человѣка была и будетъ продуктомъ сознательной дѣятельности. Стихійный факторъ никогда не можетъ быть устраненъ, но можно научиться разумно пользоваться имъ. Такъ, современная агрикультура не можетъ эмансипироваться отъ вліянія погоды, смѣны временъ года, свойствъ почвы, но, считаясь со всѣми этими стихійными условіями, она, опираясь на всю сумму техническихъ знаній, получаетъ отъ земли во сто разъ больше того, чѣмъ извлекаетъ изъ нея дикарь, пользующійся стихійными дарами природы. И въ дѣлѣ общественнаго развитія человѣкъ можетъ уменьшить ненужную, но неизбѣжную при стихійномъ ходѣ дѣлъ затрату энергіи, можетъ ускорить извѣстные процессы, разумно пользуясь имѣющимися въ обществѣ силами, ставя сознательныя цѣли, выясняя, какими методами можно достигнуть ихъ при наименьшей затратѣ силъ и какъ упрочить результаты достигнутаго. По отношенію къ личной жизни давно уже стало понятнымъ, что принципъ планомѣрности и разумности долженъ быть верховнымъ принципомъ поведенія. Къ общественной жизни принципъ этотъ и не могъ примѣняться до тѣхъ поръ, пока въ глазахъ большинства жизнь общества, какъ цѣлаго, не представляла ничего реальнаго, пока признавалась реальность лишь за жизнью *отдѣльныхъ* личностей. По мѣрѣ уясненія реальности факта существованія общественнаго организма, по мѣрѣ роста соціальнаго духа, принципъ планомѣрности долженъ стать верховнымъ и внутри общества. Ходъ развитія всего общества долженъ нообычайно выиграть отъ этого, онъ будетъ идти болѣе быстрымъ и ровнымъ темпомъ и съ гораздо меньшей, чѣмъ до сихъ поръ, затратой силъ будетъ выработана болѣе высокая и богатая культура. «Эта

новая *сознательная* культура,—пророчествуетъ Ницше,—убиваетъ старую, при которой, въ общемъ и цѣломъ, велась безсознательная животная или растительная жизнь».

Итакъ, въ началѣ вѣка—совершенно атомистическое представленіе объ обществѣ, такое представленіе, при которомъ въ немъ видѣли лишь механическую сумму частей, забывая, что самое суммированіе создаетъ совершенно новую жизнь высшаго порядка. Такому взгляду на общество былъ бы аналогиченъ взглядъ на картину, какъ на массу цвѣтныхъ точекъ, или на драму, какъ на скопленіе столькихъ-то словъ. То цѣлое и совершенно новое, которое создается этимъ соединеніемъ, совершенно забывается. Этому теоретическому индивидуализму соотвѣтствовало практическое приложеніе индивидуализма въ области экономики и политики.

Въ концѣ вѣка—ясный поворотъ къ новому воззрѣнію. Получаетъ широкое признаніе фактъ органической зависимости частей отъ цѣлаго. Съ этимъ фактомъ не только считаются, но принимаютъ его во вниманіе для сознательнаго регулированія отношеній между цѣлымъ и частями. Прежде игнорировался самый фактъ, и стихія жестоко наказывала за его игнорированіе. Разъ онъ сознанъ, личныя выгоды человѣка заставляютъ внести побольше разумнаго воздѣйствія туда, гдѣ до сихъ поръ все было предоставлено игрѣ слѣпого случая. Уже слабыя попытки внести свѣтъ разума въ мракъ стихійныхъ процессовъ жизни, попытки воплощенія нѣкоторой солидарности взамѣнъ прежней хаотической борьбы эгоистическихъ инстинктовъ дѣлаютъ жизнь болѣе свѣтлой и легкой. «Но это,—восклицаетъ Вольфъ,—только еще цвѣтъ ранней весны, а въ темныхъ садахъ будущаго медленно зрѣютъ и ожидаютъ жатвы золотые плоды».
